

ВЫСТРЕЛ

К читателю

I

Я покусился на святое!
Меня прости, читатель мой:
Да допустимо ли такое —
Писать онегинской строфой?
Взял прозу Пушкина в «подстрочник»
(Для вдохновения источник
И лучшей пищи не найти!) —
Решил в стихи перевести.
Признаюсь честно: было сложно.
Но я старался, видит Бог!
Я сделал все как смел, как смог,
Но вам придется — все возможно! —
Отбросить смятые листы
С неясным чувством пустоты!

II

Но даже, если так случится,
Я благодарен буду вам
За то, что смятые страницы
Вы все ж прочли. Мои слова —
Для размышлений дали пищу.
Быть может, кто-нибудь отыщет
Моих стихов неверный строй —
Ну что ж, случается порой!
Быть может, кто-то посмеется
Над тем, что может вызвать смех,
Мы знаем: добрый смех — не грех.
Пусть проза со стихом сольется!
Мне гений Пушкина дал знак.
И я решил: пусть будет так!

Часть первая

I

Порой скучна жизнь офицера.
В местечке N стоял наш полк.
С утра маневры на пленэре* —
Без жаркой драки, что в них прок?!
Потом обед у командира,
А то — в прокуренном трактире,
Где вечерами мы к тому ж
Играли в карты, пили пунш...
Мы собирались друг у друга,
Стремясь веселым звоном чаш
Досуг хмельной украсить наш.
Иного не было досуга:
Здесь нет балов и нет невест
За все двенадцать верст окрест.

II

Кутили мы, о том не зная,
Что в жизни все имеет срок.
Кипела в жилах кровь молодая,
Лозы хмельной бродил в ней сок.
Но видеть мы могли в трактире
Свои лишь пыльные мундиры...
Гражданский был средь нас один,
Весьма угрюмый господин.
Имел он сильное влияние
На неокрепшие умы.
С ним спорить не решались мы,
Предпочитая возлиянье...
О нем отдельно, мой читатель.
(Его портрет здесь будет кстати!)

* Пленэр — от франц. *en plein air* — «на открытом воздухе».

III

По меркам всем он жил аскетом,
По преимуществу молчал,
Был нелюдим, но все ж при этом
Нас, полковых, всех привечал:
В домишке скромном под раkitой
Держал для нас он стол открытый.
Уже не молод, и не стар
(По слухам, сам был из гусар).
Известно, есть такие люди:
Один лишь взгляд — и ясно вам,
Что будут лишними слова —
Как он решил, так все и будет!
Одним из них был наш «аскет»,
В чем у меня сомнений нет.

IV

Никто его судьбы не ведал,
Не мог постичь аскета суть:
Ведь не возможно за обедом
Так просто в душу заглянуть.
Нам отставной солдатик Кузька
Однообразные закуски:
Котлеты, рыбу, например,
Готовил сам — на свой манер...
Пусть скромным было угощенье,
Зато шампанское — рекой!..
Здесь находили мы покой,
Забыв занудное ученье...
Хозяин наш был не святой:
И злой язык, и нрав крутой.

V

К барьеру стать с ним не хотелось.
Я видел: муху на стене
Он метко бьет, совсем не целясь.
И объяснимо то вполне:
В его стенах сидели пули,
Как будто это — пчелы в улье!
Да, уважали мы его
За это чудо-мастерство!
Когда он грушу сбить с фуражки
Нам предложил бы как игру,
Под этот выстрел, я не вру,
Любой шагнул бы без опаски.
Его открою имя я:
Он звался Сильвио, друзья.

VI

Да, Сильвио... Но, правда, в нашем
Кругу отъявленных повес,
Поскольку был он много старше,
Мы с уважением звали С*.
Пешком ходил он постоянно.
На нем нам видеть было странно
Его изношенный сюртук,
Сапог истершийся каблук...
Ему, казалось, безразлично
Все в этом мире, этот мир...
Он ждал чего-то, наш кумир,
И это было тайной личной.
Но кто спросить о ней бы мог?
Еще убьет, помилуй Бог!

VII

Мы бурно время прожигали!
Нас вам, столичным, не понять!
Вы там мазурку танцевали,
Мы кисли здесь — по деревьям!
Мы — молодые офицеры,
Стремясь высот достичь карьеры,
Своих амбиций не стыдясь,
Месили грязь — и граф, и князь!
Нам смерти страх совсем не ведом:
Ведь мы — наследники побед,
Тех, что добыл наш славный дед,
Завещан путь победный дедом!
Пусть помнит мир, пусть знает свет:
Не посраим мы эполет!

VIII

У нас бывали часто сходки
У С* за чашею вина,
За картами, за рюмкой водки...
Была компания шумна.
Вели мы громко разговоры,
То были дружеские споры —
«Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов»*.
Но Сильвио, что было странно,
От нас держался в стороне.
Однажды приоткрылась мне
Его души большая тайна.
Не забегаю наперед:
Придет разгадке свой черед.

IX

* Цитата из «Евгения Онегина».

К нам прибыл в полк курьер столичный:
Из штаба почту привезли.
Мы пили много. Как обычно!
Играли в карты, спор вели...
Но вот штабной загнул валета.
Конечно, С* заметил это
И на доске исправил счет.
В парах вина, розовощек,
Вспылил поручик из столицы.
Банкер и вида не подал:
Спокойно дальше банк метал,
В ответ не позволяя злиться.
Мы ждали: чьи же крепче нервы
И кто из них взорвется первым.

X

Штабной пустился в объясненья,
Твердил, что Сильвио не прав.
Но тот умел хранить терпенье,
Не выдавал суровый нрав.
Меж тем спокойно и умело
Он банкомета правил дело,
Вел счет по правилам своим.
(Мы уж давно смирились с ним,
Но ново было для штабного).
Поручик злился, был взбешен,
А офицеры — так еще
Над ним смеялись нездорóво:
Ведь назревающий скандал
Нам крепко нервы щекотал.

XI

Уже заканчивался вечер.
Банкер спокойно банк метал.
Понтер пустил в него подсвечник —
Тяжелый бронзовый шандал.
Поступок совершенно дикий —
Им не избежать поединка!
Поручик это понимал —
Он в пламя масло подливал.
И было некуда деваться:
Увидев Сильвио глаза,
Поручик вышел, но сказал,
Что с ним всегда готов стреляться.
А мы все ржали, жеребцы,—
Зачли штабного в мертвецы.

XII

Рассветом новый день забрезжил.
Три дня прошло — поручик жив!

И зло трепались мы в манеже:
«Уже ль прощенье заслужил?»
Хотелось в этом разобраться:
«Не будет Сильвио стреляться?
А как же долг?.. А как же честь?..» —
Вопросов было нам не счесть...
Но кто б осмелился, к примеру,
Сказать, покручивая ус,
Ему в лицо, что С* наш — трус?
Рискнул бы кто с ним стать к барьеру?
Непримирима молодежь,
Но Сильвио простила все ж...

XIII

Заметил я, что охладели
К нему ревнивцы эполет.
Но это были в самом деле
Издержки наших юных лет.
Я тоже впал в недоуменье
И сторонился с С* общенья:
Остаться с ним наедине
Совсем теперь не льстило мне.
Казалось внешне: как и раньше,
Мы проводили вечера —
Вино, картежная игра
И отношения без фальши,
Но каждый про себя твердил:
«Уж я бы точно не простил!»

XIV

Вернуть бы годы молодые,
Горячность наших юных лет —
Хондроз, склероз, стенокардия
Несут гораздо больше бед!
Но, по оружию собратья!
Бездумно молодость растратив
В свои осьмнадцать-двадцать лет,
Не станем мы о том жалеть,
Когда предстанем перед Богом,
Когда придет за нами Смерть,
Чтоб в души наши посмотреть.
Пусть мы взгрустнем, мой друг, немного,
Что вспоминать о той поре? —
С годами станем мы мудрей!

XV

Во вторник, в пятницу все ждали
Мы писем, денег и газет.
И вот однажды в канцелярии
Был Сильвио вручен пакет.
Сорвал печать он в нетерпенье

(Так было велико волнение),
Прочел... И с жарким блеском глаз
Торжественно взглянул на нас:
— Друзья! Я нынче ночью еду!
Есть неотложные дела...
Меня фортуна позвала.
И я вас всех прошу к обеду!
Конечно, все мы собрались —
Гуляй, банкуй и веселись!..

XVI

К друзьям моим примкнул я позже.
Собрался здесь почти весь полк...
Подумалось: наверно, все же
В любом застолье есть свой толк.
Стреляли пробки неустанно,
Шипели, пенились стаканы —
Ну, словом, настоящий пир!
(Вином мне залили мундир).
Хозяин наш был явно в духе;
Шутил: «Управлюсь за три дня!
Надеюсь, братцы, без меня
Вы не помрете с голодухи?!»
В ответ смеялись и опять
Все продолжали пировать.

XVII

Так пили мы, не зная меры,
Но все ж она во всем нужна:
Повеселились офицеры —
Пришла пора расстаться нам.
...Когда мы стали собираться,
Меня он попросил остаться,
Сказал, что есть, мол, разговор,
Что снять пора ненужный флёр*,
Возникший в наших отношеньях.
Я лишь кивнул, не тратя слов,
Что, дескать, выслушать готов...
Избегнуть чтобы искаженья,
И не придрались вы к словам,
Его рассказ представлю вам.

XVIII

Он начал разговор не сразу.
Усердно трубку набивал,
Искал вступительную фразу...
Меж тем я терпеливо ждал.
Я полон к Сильвио почтенья,

* Флёр — от франц. *fleur* — покров таинственности.

Но рвали душу мне сомненья:
Быть может, на решенья скор,
Неправый вынес приговор?
Но честь есть честь — иных нет правил!
Понять ли здравому уму?!..
...С огнем в глазах и весь в дыму
Предстал вдруг С* как сущий дьявол!
Я утомил немало вас?
Так вот же Сильвио рассказ:

РАССКАЗ СИЛЬВИО

Я буду откровенен, князь.
Заметил ваше отчуждение,
И у меня сложилось мнение...
Да! Я прямую вижу связь
С одним недавним злоключеньем.

Заочно здесь меня бранят,
Не отрицайте, право слово!..
Вы презираете меня...
За то, что я простил штабного,
Безвольно, мол, замаял скандал:
За дерзость — должен наказать,
По чести!.. Вижу по глазам,
Что мысли ваши угадал.

Известно вам: чужое мнение
Я мало уважаю, но...
Себя в вас вижу воплощенье.
Клянусь моею сединой,
И я таким был в ваши годы —
Ревнивцем чести и свободы,
Любимцем благородных дам...
Во всем я вижу наше сходство.
А потому откроюсь вам:

Поступок мой на благородство
Списать легко, но вряд ли нужно.
Я вправе выбрать был оружие.
Им как владею, не секрет.
Судьба хмельного сумасброда
Была б в моих руках... Но нет!
Проблема здесь иного рода:
Собой я рисковать не мог...
За мною долг — дуэльный долг!
Мой давний враг не отомщен,
Пощечина горит еще.
Отмщения я долго ждал.
Вот день пришел, и час настал!

Стрелялись мы. Прошло шесть лет.
Взгляните, князь: в моей руке
Фуражка с дыркой на просвет,
Чуть выше лба, в одном вершке,
Пробита пулей... Сей предмет
Изменит, может, или нет
Ко мне дурное отношенье...
Я вас люблю, вы мне близки,
Ценю я также ваше мнение,
Своих же правил вопреки.

Пожалуй, ротмистр, мне пора
Пред вами приоткрыть завесу,
Ведь мы давно не юнкера!
Когда вам будет интересно:
Я тоже был на службе царской —
В полку одном служил, гусарском.
И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для комсостава!
Буян я, первый дуэлянт —
У нас ведь буйство было в моде!
Друзья-гусары для меня
Наперебой слагали оды.

Признаюсь, князь, что всякий грех
За в деле ратном мой успех
Легко прощался — даже пьянство!
А я, с упорным постоянством,
Стремился к первенству всегда,
Своей я наслаждался славой.
Но приключилась вдруг беда...

К нам прибыл в полк графишко бравый,
И будто я глотнул отравы
Из чаши полной до краев!
Вдруг блекнуть первенство мое
С его приходом быстро стало.
В друзья он метил поначалу...
«Нет места двум на пьедестале!» —
И жестко я его отверг,
Покуда нимб мой не померк.
Он отошел без сожаленья
И прекратил со мной общенье.

Граф превзошел меня во всем:
Умен, красив и знатен родом,
Богатство, храбрость — все при нем!
Для женщин — будто мазан медом.
Впустую времени не тратил,

Гордился славою своей.
В полку он многих орогатил
Иных доверчивых мужей.

Он, мой противник, явно был
Счастливым баловнем судьбы.
От зависти впадал я в раж,
Травила злость змеиным ядом.
А он, легко поймав кураж,
Не достаивал и взглядом...
Терпеть не мог я задаваки:
Я схватки ждал. Я жаждал драки!

Однажды на балу я смог
Для драки отыскать предлог!
Был бал уже в своем разгаре.
И враг мой весел, как всегда.
Сказать точнее, был в ударе.
Он овладел вниманьем дам,
Те в круг него кружились стайкой,
Смеялась громче всех хозяйка.
А эта дама, милый князь,
Тогда со мной имела связь!

Я злился! Я негодовал —
Я с ним на драку нарывался,
Яд эпиграммами метал...
Я разозлить его пытался!
Граф был искусней в эпиграммах,
Блистал стихом своим при дамах.
Он не затягивал с ответом:
Читал их вслух и улыбался,
И мне подмигивал при этом.
А взгляд веселием светился.

Я окончательно взбесился
И что-то грубое на ухо
Ему в том бешенстве сказал.
А граф мне врезал оплеуху,—
И звоном отозвался зал.
Ну, мы — за сабли!.. Развели.
Мы примириться не могли:
Стреляться — точка! — в ту же ночь!
Я был готов! И он не прочь!..

С неизъяснимым нетерпеньем
Я ждал... Противника все нет.
Росло мое ожесточенье —
Уж близок был рассвет.

Все выше солнце. Раздраженье

Растет мое, и злость кипит:
Уже ли безмятежно спит?!
...Но появился в отдаленье:
Идет походкою неспешной —
Мундир на сабле, за спиной...
И вот предстал граф предо мной:
В руках фуражка — в ней черешни...

Двенадцать меряют шагов,
Условленных, нам секунданты:
Дуэльный кодекс наш таков —
Пора к барьеру, дуэлянты!
...Но нервы! Нервы — что за черт!
Злость не прошла, меня трясет.
«Остыть бы мне!» — и с этой мыслью
Я уступаю первый выстрел.
Ведь может подвести рука...
Пусть граф стреляет, а пока
Свои я успокою нервы:
«Да! Пусть же граф стреляет первым!»

Но граф мой жест не оценил,
Сказал: «Пусть жребий все решит».
И жребий вновь благоволил
Любимцу счастья: вот лежит
Пред вами, князь, моя фуражка —
Свидетель выстрела его...
И я... Пока еще живой.
Но не отмщен. Признаюсь, тяжело,
Мне ваше осужденье, князь.

Что наша жизнь? Интриги, грязь...
Простите, но отвлекся я.
Был выстрел. Очередь моя.
Мой враг в двенадцати шагах,
И жизнь его в моих руках!
Взведя курок, взял на прицел:
На графа жадно я глядел,
Искал в глазах приметы страха...
Их не было. Враг даже внешне
Спокоен был: он ел черешни...
Вдруг из кустов вспорхнула птаха
И растворилась в вышине —
Как Божий знак, что послан мне...
«Что я искал в его глазах? —
В них пустота и безразличье.
Убью — что в том мне пользы личной?» —

Подумал так, а вслух сказал:
«Я вижу, граф, вам не до смерти.
Так продолжайте завтрак свой,

Не стану вам мешать!.. Созрейте!»

«Оставьте выстрел за собой! —
Ответил граф.— А впрочем, сами
Решайте: он всегда за вами!»

В отставку вышел я, мой князь,
В местечко N. Ушел здесь в тень,
От светской жизни удалясь.
Мечтал о мщенье каждый день.
Теперь же этот день настал —
Тот, о котором я мечтал.

Читайте: вот письмо — пакет
Я утром получил на почте.
Надеюсь, разберете почерк...
В письме найдете вы ответ,
На тот вопрос, что вас так мучил.
Быть может, вы поймете лучше,
Чего я терпеливо ждал,
И почему простил штабного,
Как должен был, не наказал.
Поймете: выбора иного
Я не имел — за мной был долг.
Страшнее смерти — неотмщенье!
Теперь же мне Господь помог:
Представил шанс мне, что б я мог
Вернуть ко мне расположениеь,
И долг отдать по назначенью.

Читайте ж, князь! Вот вам письмо...
Прочтя, поймете выбор мой...
Я отношусь к вам с уваженьем.
Себе позволить не могу
Оставить тяжкие сомненья
Ни в вашем сердце, ни в мозгу...
А на прощание замечу,
Впредь не надеюсь уж на встречу
И на пожатие руки...
Вы мне останетесь близки.

ІХХ

В чем наших писем назначенье?
Они летят на почтовых —
Мы ждем, сгорая в нетерпенье,
Хоть сами редко пишем их...
Прочел письмо я без желанья.
В нем сообщалось, в том посланье,
Что некий, им известный, граф
Решил вступить в законный брак.
Готово все, и день назначен,

И должен Сильвио спешить,
Чтоб с графом давний спор решить —
Момента не сыскать удачей.
Мы на прощанье обнялись.
Сведет нас вряд ли снова жизнь.

Часть вторая

I

Прекрасны годы молодые.
Мы верим: все у нас в руках!
Любви мы ищем позывные
И птицу счастья в облаках...
Мы эти годы беззаботно
Легко транжирим и охотно.
И необузданная страсть
Берет, увы, над нами власть.
Но мы все думаем: то счастье,
Что нас чарует и манит,
Волшебной птицей прилетит.
И вдруг теряем в одночасье
Надежду эту, глядя ввысь,
Где наши звезды не сошлись.

II

Там, в небе клином журавлиным
Чужое счастье, сделав круг,
Кого-то сделает счастливым...
И ты запомни, юный друг:
Бывают в жизни перемены —
Друзей предательство, измены
(Немного праздников земных) —
Мы все зависимы от них.
Я не Пророк и не Мессия,
Богов не слышу голоса,
Скажу лишь то, что понял сам:
Есть обстоятельства такие,
Что в наших силах изменить,
И надо молодость ценить!

III

Я сам стал жертвой обстоятельств:
Совсем седой, а был шатен
Мне не хватало тех чудачеств,
Что знал, живя в местечке N...
Теперь, уйдя с военной службы,
Почувствовал себя ненужным.
В глухой деревне поселясь,
Жалел себя ваш бедный князь.
Сидел в глуши, с уныньем споря,

Все книги в доме прочитал,
Лишь об одном теперь мечтал:
Не стать бы пьяницею с горя,
Не спиться б, Господи, прости!
Другой вопрос: куда пойти?

IV

Ах! Как нуждался я в общенье —
Я от тоски зеленым стал!
Поместье было в отдаленье,
Примерно в четырех верстах.
Сказал мне староста Порфирий,
Здесь с мужем юная графиня
Медовый месяц провела,
Сама же в Питере жила.
Шли дни и ночи эстафетой,
Я пил вино, гоняя мух...
Вдруг по селу пронесся слух:
Графиня едет на все лето!
Что это может означать?
Да это — праздника печать!

V

Приезд богатого соседа
Здесь обсуждали месяц-два...
И года три, когда уедет,
Не успокоится молва.
Гудело ульем все селенье,
И я почувствовал волнение:
Ведь ждал и я, читатель мой,
Приезд хозяйки молодой.
От нетерпения сгорая,
Мечтал уже немало дней,
Как я предстану перед ней,
И как графиня молодая
Меня воспримет... Ваш ведь князь
Утратил с высшим светом связь...

VI

Они приехали в июне,
В начале месяца. Да, да —
Поста Петрова накануне.
Лил, помню, сильный дождь тогда.
Но вот настало воскресенье,
И поспешил я с нетерпением
(Дичал я в собственных стенах)
В поместье в четырех верстах:
Представиться соседям новым,
Как нам традиции велят.

А может, если захотят,—
И добрым обменяться словом.
Меня поймет, конечно, тот,
Чья так бесцветно жизнь течет.

VII

И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал...
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем*,
В нем три богини — три хариты.
Я трепетал — ну, чисто,
Как был проситель у министра.

VIII

Граф оказался дружелюбен,
Открыт в общении и прост.
К таким я благосклонен людям
И вскоре позабыл, что — гость!
Мы говорили с ним о разном,
Но не касались сложных тем.
А я освоился меж тем
И стал вести себя развязней.
Но сразу потерял дар речи!
Я был графиней поражен:
Таких нечасто встретишь жен —
Казалось, что погасли свечи,
Когда явилась нам она,
Столь ослепительна, нежна!

IX

Какая грудь! Какие плечи!
Какая шея!.. А глаза?!..
Я онемел. Конфуз замечен.
Что в оправдание сказать?
Я спрятал взгляд свой от графини
И стал рассматривать картины,
Чтоб свой сокрыть позор и стыд,
Чтоб чувствам дать чуть-чуть остыть...
Графиня с графом, не смущаясь,
Вели беседу меж собой

* Проем — здесь в значении: *ниша*.

Как будто я для них был свой
И разговору не мешаю.
Пейзаж швейцарский на стене
Вдруг чем-то приглянулся мне.

X

Друзья! Я в годы молодые
Сторонник был иных забав:
Картины — не моя стихия!
— Кто автор, подскажите, граф,
Такой работы филигранной?
«Не помню... Это холст Бирманна»*.
— Отличный выстрел! — воскликнул я.—
Не каждый может так стрелять!
Тут нужен дар, а не уменье,
И глаз... и твердая рука...—
Знавал такого я стрелка!
Но мы расстались, к сожаленью...
Я Сильвио не смог забыть!
«Как? Сильвио?! Не может быть! —

XI

Воскликнул граф, поднявшись с места,—
Вам, правда, Сильвио знаком?»
— Да, если графу интересно,
В полку служили с ним одним...
Простите, граф, нужна поправка:
Нет, нет! Он был уже в отставке,
Но как у брата своего
Мы собирались у него.
Так, стало быть, и вы с ним знались,
Вы тоже с ним знакомы, граф?..
О, да! Я оказался прав:
Граф подтвердил — они встречались.
... Подумав, начал граф рассказ.
Я записал его для вас:

РАССКАЗ ГРАФА

«Догадки вас не обманули.
Вот этот выстрел — пуля в пуле,
Что след оставил на картине,—
Знак о последней нашей встрече.
Пять лет прошло, но я доньше
В деталях помню этот вечер.

Вы были с Сильвио дружны,
И он вам сказывал о бале...

* Карл Эдуард Бирманн (1803—1892) — немецкий пейзажист.

Здесь пояснения нужны:
Служил я с ним, мы враждовали,
В полку за первенство борясь.
Мы с Сильвио стрелялись, князь.

За ним остался выстрел-долг,
Но он покинул вскоре полк.
А я — богатый, молодой —
Беспечно жил и веселился,
Совсем забыл о ссоре той.
И вот, пять лет назад, женился...

Медовый месяц был в разгаре,
Счастливо наши дни лились —
Как звуки греческой кифары.
Открыл иной я жизни смысл:
В любви желанной и в покое,
И сердце этим успокоил...

Был мой покой нарушен вскоре:
С прогулки мы вернулись конной
В тот вечер; здесь же, у камина,
Ждал гость: по виду — сущий тать!
Пришел, сказал он, долг отдать!
По голосу узнал я имя.

«Ты не узнал меня?» — спросил,
Табачным едким пыхнул дымом.
Как будто я лишился сил,
И волосы вдруг стали дыбом...
Теперь мне было что терять...
Ах, как некстати этот «тать»!

«Ты помнишь, граф, за мною выстрел?
Я разрядить свой пистолет
Пришел. Готов ты или нет?»
Шаги отмерил я и быстро
Стал в том углу: «Стреляй! Жена
Увидеть это не должна!»
Он медлил, попросил огня...
Подали свечи: так светлей.
Он долго целился в меня...
И наслаждался он как будто —
Ужасная прошла минута!
Я попросил стрелять скорей!

Вдруг опустил он пистолет.
«Как жаль,— сказал,— черешен нет!
Признаюсь, не хотелось мне бы
Убийцей стать в своих глазах.
По чести предлагаю, граф,

Давайте новый бросим жребий!»

Я не хотел, но так случилось,
Что первый номер выпал мне.
«О! Это дьявольская милость!» —
Его усмешку я во сне
Ночами вижу до сих пор.
Но как продолжился наш спор.

Я выстрелил, но как-то странно:
Картину прострелил Бирманна!
На выстрел прибежала Маша,
От страха бледная, визжит...
У Сильвио был грозен вид,
И за нее мне стало страшно.

Представил, как ей было жутко,
Решил соврать, что это шутка.
Но не поверила графиня:
Соперник целился в меня,
Сказал: «Для шуток есть причина,
Настала очередь моя!»

Увидев дьявола во взгляде,
У ног его — моя графиня! —
Молила Маша о пощаде...
В меня он целился картинно
И демонически молчал.
Я был взбешен, я закричал:
«Мне это, сударь, надоело!
Стреляйте же, окончим дело!
Иль вы не будете стрелять?
Что это может означать?!»

Соперник грозный отвечал:
«Стрелять не буду. Я доволен.
Увидел все я, что хотел:
Как ты краснел, как ты потел,
Твое смятение и робость,
Заставил выстрелить в себя...
Теперь пусть мучает тебя
Твоя же собственная совесть —
Над нею, граф, уж я не волен!
Я возвращаю выстрел мой
(Не целясь, выстрелил в картину).
Да, ты останешься живой
И предо мной почти невинный...»

И он ушел... лишь там, за дверью...
Я слышал, звякнул колокольчик —
Наверно, ждал его ямщик.

Но трудно было мне поверить,
Что давний спор наш был окончен,
И снова страх в меня проник...

Вот так ваш друг мне отомстил,
Но, не уверен, что простил...
С тех пор я, князь, в решеньях взвешен:
Оружье в руки не беру
И видеть не могу черешен.
Наверно, с этим и умру...

ХII

Вот так, неожиданно совершенно
(Какой-то был каприз судьбы),
Узнал однажды завершенье
Истории, чьей подзабыл
Почти, признаюсь вам, начало.
Я был взволнован чрезвычайно:
Ведь я когда-то молод был
И жестко Сильвио судил...
Друзья! Меня не обессудьте!
Порой мы судим сгоряча,
Выносим приговор сплеча,
Не разбираемся по сути...
Мы ошибаемся подчас —
И так же кто-то судит нас.